

А.В. Дарчиев

О некоторых реликвиях святилища Реком

А.В. Дарчиев*

Расположенное в Алагирском ущелье святилище Реком является важнейшим памятником духовной и материальной культуры осетинского народа. Несмотря на то, что Рекому посвящена большая литература, не все связанные с ним вопросы достаточно изучены. Не случайно В.А. Кузнецов свое специальное исследование о Рекоме предваряет таким замечанием: «Как это ни парадоксально, ни святилище как историко-архитектурный памятник, ни археологический материал из него до сих пор не опубликованы и не интерпретированы» [17, с. 9]. Указанная работа В.А. Кузнецова в значительной мере восполнила этот пробел, однако до сих пор большая часть собранного в Рекоме материала лежит мертвым грузом в музейных хранилищах Владикавказа и Санкт-Петербурга. Парадоксальность ситуации усугубляется и тем, что некоторые давно изданные материалы святилища надолго выпадают из поля зрения исследователей. Ярким примером тому является фотография реликвий Рекома, опубликованная в книге Г.К. Ниорадзе «Горные осетины и их страна». Прежде чем приступить к рассмотрению этого в высшей степени интересного документа, несколько слов об авторе и его книге.

Георгий Капланович Ниорадзе (1886–1951) – грузинский советский ученый, основоположник грузинской археологии, известный главным образом трудами по кавказскому палеолиту. В 1921 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета по специальности «антропология», а в 1922 г. для продолжения учебы был командирован в Германию. Уже весной 1923 г. в Берлине Г.К. Ниорадзе публикует на немецком языке свою первую монографию, которую посвящает антропологии и этнографии осетин [36]. Книга стала предметом жесткой и, надо признать, во многом справедливой критики, в суть которой здесь нет необходимости вдаваться [см.: 34]. Отметим лишь, что в тексте нет

ничего, прямо относящегося к интересующей нас фотографии.

Когда был сделан этот фотоснимок? В предисловии Г.К. Ниорадзе пишет, что «много раз бывал в их (осетин. – Д.А.) романтически расположенных аулах (селениях) и исследовал при этом их природные свойства, обычаи и образ жизни» [36, с. 4], но, к сожалению, не указывает даты своих частых путешествий по Осетии. Нет об этом никаких сведений и в специальных статьях о научной биографии Г.К. Ниорадзе, хотя все они единодушно оценивают его книгу как важный вклад в развитие антропологии и этнографии [3, с. 4; 1, с. 16; 27, с. 20]. Со всей определенностью можно лишь утверждать, что фотоснимок был сделан не позже июля 1922 г., когда ученый уехал в Германию.

Итак, в указанной книге на таблице № 10 под названием «Реликвии церкви Реком в Цейском ущелье» представлена своеобразная экспозиция, расположенная в образованном каменной оградой дворике святилища. Основная часть предметов расставлена на скамейке. Колокол с цепью висит на воткнутой вертикально в землю палке; на такой же импровизированной подставке, по-видимому, находится шлем.

Многие представленные на фотографии реликвии известны по описаниям путешественников и исследователей, в разное время побывавших в Рекоме. Поэтому, рассматривая каждый предмет в отдельности, мы будем сопоставлять эти письменные свидетельства с его фотографическим изображением, надеясь таким образом получить о нем наиболее полное представление. Кроме того, о некоторых реликвиях, например о шлеме, уже имеется немало научных исследований. Критический обзор этой литературы, насуточно необходимый сам по себе, позволит выявить и те проблемные моменты, в решении которых наш фотодокумент, возможно, окажет определенную помощь.

* Дарчиев А.В. – к. и. н., н. с. СОИГСИ.

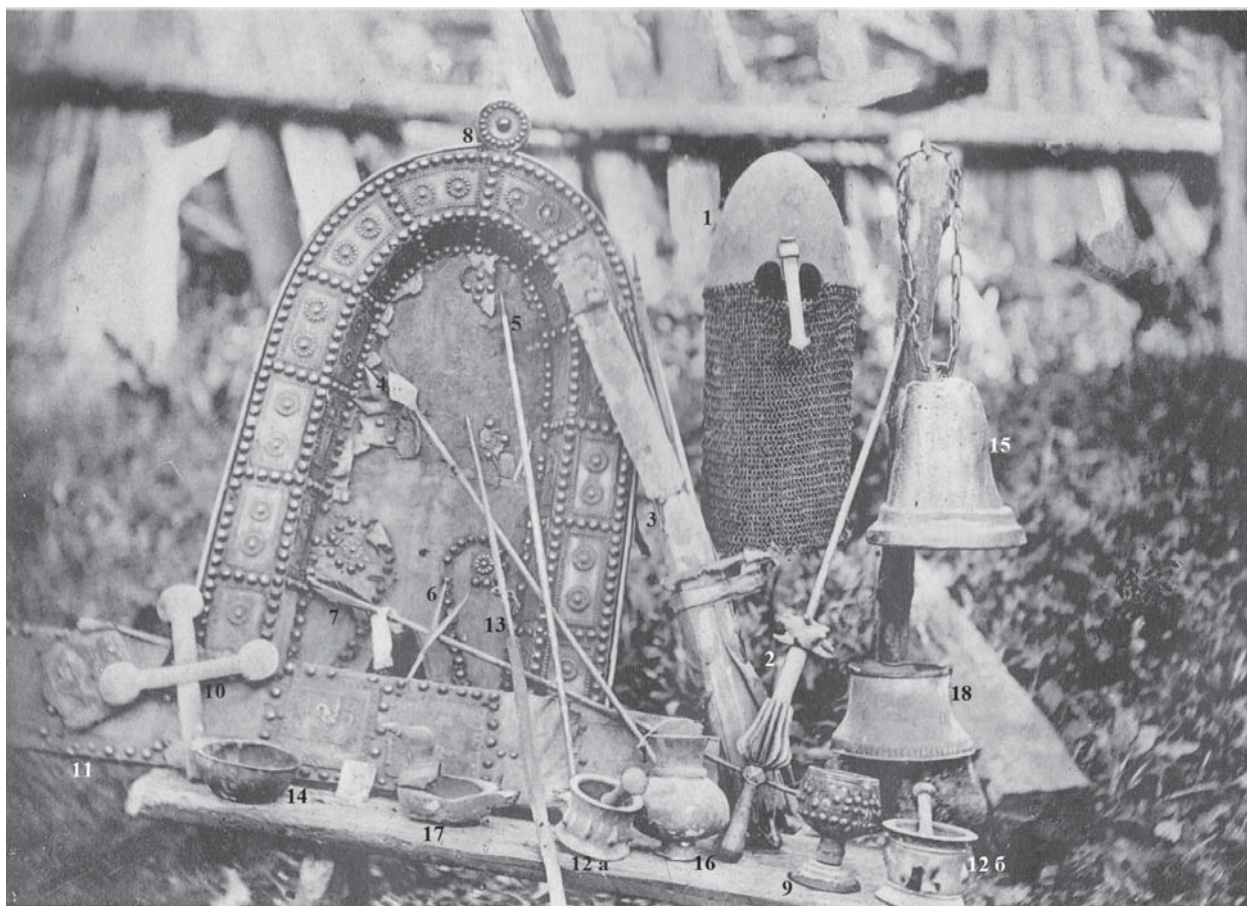
Шлем с кольчужной бармицей (1)¹. Первые сведения о шлеме мы находим у В.С. Толстого, побывавшего в Рекоме в 1847 г.: «На земляном полу лежал круглый, остроконечный стальной шышак, стальною полосою опускающийся перед лицом, и с назатыльником из кольчуги» [29, с. 76].

В.Б. Пфаф, посетивший святилище в 1869 г., сообщает: «Под кучею стрел мы нашли железный рыцарский шлем с приделанным к нему для защиты плеч панцирем и колчан, наполненный стрелами. Осетинское предание приписывает эти вещи и вышеупомянутое копье осетинскому народному герою Осибгатару. ... Что же касается шлема, то он, судя по отделке, действительно может быть отнесен к XIV веку, но за неимением на нем никакого знака и того нельзя совершенно определительно сказать» [24, с. 141; см. также: 23, с. 59]. В.Б. Пфаф впервые публикует рисунок шлема, который, в отличие от описания В.С. Толстого, имеет не остроконечную, а закругленную тулью с круговой бармицей [24, fig. IV].

В 1879 г. святилище посетила супружеская чета известных археологов графа А.С. Уварова и графини П.С. Уваровой. Оставившая подробное описание этого осмотра, П.С. Уварова о

шлеме Ос-Багатора пишет: «Тут же находится знаменитый шлем Осабаготора, который, судя по отделке, может в действительности быть отнесен к XIV ст., – время, в котором по преданию жил этот осетинский богатырь. Миссорка шлема стальная; вдоль лба идет накладная пластинка; пространство для глаз вырезано; забрало и назатыльник из мелкой плетеной кольчуги. Подобные шлемы носят и до сих пор хевсурами и называются у них чакчани» [31, с. 63]. Таким образом, П.С. Уварова поддержала датировку В.Б. Пфафа, правда, на тех же неясных основаниях («судя по отделке»). Описание шлема, которое дает исследовательница, подтверждает наличие у него круговой бармицы («забрало и назатыльник из мелкой кольчуги»). Под «накладной пластинкой», идущей вдоль лба, скорее всего, следует понимать наносник. П.С. Уварова предпринимает первую попытку определения типологии шлема, сравнивая его с хевсурскими миссорками «чакчани».

Интересное описание шлема и некоторых других реликвий Рекома оставил анонимный автор статьи, опубликованной в «Терских ведомостях» в 1892 г.: «Высокий и тяжелый, фунт. 8–9, стальной шлем с забралом и частью назатыль-

¹ Здесь и далее по тексту в круглых скобках указывается номер предмета на фотографии.

ника из мелкой кольчуги ...на шлеме нет никаких украшений (если не считать за особое украшение тщательно сделанной налобной пластинки), и он представляет собою не что иное, как очень высокий и очень тяжелый железный колпак, носить который мог действительно только богатырь, а не простой смертный» [10, с. 78].

«Шлем с кольчужной сеткой» упоминается и в описи предметов из Рекома, составленной в 1903 г. [22, л. 3].

В 1928 г. Реком обследовала Северокавказская археологическая экспедиция ГАИМК под руководством А.А. Миллера [см: 4, с. 22–23]. К большому сожалению, материалы экспедиции до сих пор не опубликованы, и для ознакомления с ее результатами приходится довольствоваться статьей А.А. Вязигина, который по поводу интересующей нас реликвии пишет: «Больше всего в Рекоме шлемов, стрел и их наконечников. Один из древних шлемов с кольчужной сеткой и околышком поражает орнаментом, очень напоминающим средневековую баронскую корону западноевропейских феодалов» [7, с. 77]. Аналогия довольно интересная, однако упоминание не одного, а множества шлемов вызывает некоторые сомнения в достоверности сведений автора.

О доспехах Ос-Багатара, очевидно, имея в виду и шлем, Е.Г. Пчелина сообщает, что они хранились попеременно в трех главных святилищах, принадлежавших колену Царазонтæ: Реком, Сидан, «Нузалы аргъуан» [25, л. 3]. Последний раз исследовательница видела их в 1934 г. в Нузальской церкви. В 1935 г. доспехи перевезли в Краеведческий музей г. Алагир, откуда они пропали во время фашистской оккупации города в 1942 г. [25, л. 3; см. также: 9, с. 39]. На этом следы шлема теряются, и дальнейшее его изучение опирается на сохранившиеся рисунки и описания.

М.В. Горелик предпринял попытку вписать шлем Ос-Багатара в круг монголо-татарских боевых наголовий, выделяя в одну группу четыре экземпляра: два шлема – из стамбульского музея Топкапу-сарай, третий – «мисюрка Голицына», хранящаяся в Оружейной палате Московского Кремля, четвертый – «приписывавшийся, по преданию, полуполюгендарному осетинскому герою XIV в. Ос-Багатару, хранился в осетинском святилище Реком, до нас не дошел, и его внешний вид известен только благодаря рисунку В.Б. Пфафа» [8, с. 261]. Все четыре шлема, по мнению М.В. Горелика, были произведены в северо-западном Иране, причем оба стамбульских шлема и «мисюрка Голицына» датируются второй четвертью – серединой XIV в., а шлем Ос-Багатара – серединой – второй половиной XIV в. [8, с. 262–264]. Предложенная датировка

заставляет усомниться в принадлежности шлема Ос-Багатару, который, как полагают исследователи, умер в 1304 г. [32, с. 208, примечание 58].

Известный английский оружейвед Дэвид Николь, вслед за М.В. Гореликом, отнес шлем Ос-Багатара к иранским боевым наголовьям XIV в. По мнению исследователя, он был произведен в северном Иране (иранский Азербайджан) и может быть датирован, хотя и условно, 1350–1375 гг. Конструкция шлема, как отмечает Д. Николь, свидетельствует о высоком металлургическом мастерстве и умении изготавливать боевые наголовья из одного большого куска металла [35, vol. II, p. 240].

Большая заслуга в изучении реликвий святилища Реком, в том числе и шлема, принадлежит В.А. Кузнецову, который ввел в научный оборот более точный рисунок шлема, сделанный А.А. Миллером [17, с. 37–38]. Справедливо усомнившись в предложенном П.С. Уваровой сближении шлема Ос-Багатара с хевсурскими шлемами «чачкани», автор попытался включить его в эволюционный ряд развития древнерусских шлемов, указав в качестве относительных аналогий шлем Ярослава Всеволодовича из с. Лыково, шлемы из с. Никольское и г. Киева и датировав на этом основании второй половиной XIII в. – временем жизни и деятельности Ос-Багатара [17, с. 38–39].

Следует все же отметить, что в работах А.Н. Кирпичникова, на которые опирается В.А. Кузнецов, эти три экземпляра датируются второй половиной XII в. – первой половиной XIII в. [14, с. 32, табл. XVI, XVII]. Стало быть, даже признав значительное сходство с указанными древнерусскими шлемами в некоторых важных деталях, мы получаем возможность датировать шлем Ос-Багатара отнюдь не второй половиной XIII в., а тем же периодом, что и рассматриваемые древнерусские образцы, т. е. второй половиной XII в. – первой половиной XIII в. Однако выявленные В.А. Кузнецовым черты сходства, так же как и датировка, нуждаются в существенном уточнении.

Ряд интересных наблюдений относительно комплекса вооружения Ос-Багатара принадлежит Е.И. Нарожному [21, с. 112–125]. отождествление интересующего нас шлема с кругом боевых наголовий северо-западного Ирана Е.И. Нарожный считает дополнительным доводом в пользу его принадлежности Ос-Багатару, поскольку исторический Багатар жил и действовал в Грузии, вассальной от Хулагуидского Ирана [21, с. 118]. Признав вслед за М.В. Гореликом иранское происхождение шлема, автор, тем не менее, обходит молчанием предложенную этим ученым датировку – середина – вторая половина XIV в., – которая не позволяет считать этот шлем ни принадлежащим Ос-Багатару, ни даже

современным ему. Е.И. Нарожный предлагает оригинальную, хотя и вызывающую немалые сомнения, реконструкцию некоторых элементов шлема. В его верхней части, по мнению исследователя, имелось жесткое шарнирное крепление, а обоймица, напротив, была подвижной, не закрепленной на корпусе шлема [21, с. 119].

На рисунках В.Б. Пфафа и А.А. Миллера наносник изображен поднятым вверх, что затрудняло определение его типа. На фотографии же мы видим наносник в его боевом положении, т. е. опущенным вниз. Это не оставляет сомнений в том, что перед нами скользящий наносник, и позволяет отказаться от реконструкции «налобной пластины», предложенной Е.И. Нарожным. В левой верхней части, ближе к вершине купола отчетливо видна небольшая вмятина, т. е. след механического повреждения, который живо напоминает нам о драматичной судьбе предполагаемого владельца этого шлема.

Рассмотрев литературу, посвященную шлему из святилища Реком, приходится констатировать, что достаточно надежных оснований для его атрибуции и датировки, а следовательно и для утверждения о его принадлежности самому Ос-Багатару, на сегодняшний день мы не имеем. Наиболее перспективным представляется тот эволюционный ряд, в который его попытался вписать М.В. Горелик. Однако практически все боевые наголовья данного ряда пока не имеют общепринятой датировки.

Пернач (2). В числе хранившихся в Рекоме предметов вооружения упоминаются перначи. А.С. Уваров пишет о найденных им в Рекоме двух бронзовых перначах, полагая, что они принадлежали осетинским князьям и являлись знаком их начальственной власти [30, с. 84–85]. Более подробно об этих находках сообщает сопровождавшая своего супруга при осмотре святилища П.С. Уварова [31, с. 64].

Уже упоминавшийся анонимный автор (Н.С.) видел в Рекоме железный пернач «с массивной шишкой на одном конце и шестью симметрическими выступами под шишкой, расположенными по массивному цилиндру, продолжением пернача служит тонкий длинный стержень; длина всего пернача около $\frac{3}{4}$ аршин» [10, с. 78–79].

В «Описи имущества часовни Реком» среди предметов, находившихся внутри святилища, отмечены под номером № 47 «железная палка с перначом на конце» и под № 48 – «пернач» [22, л. 3].

Пернач, о котором сообщают анонимный автор и «Опись», есть на фотографии. На его цилиндрической головке расположены вертикальные пластины (перья). Головку венчает навершие, состоящее из двух элементов: небольшого куба с отсеченными углами, переходящего

в массивный конусообразный набалдашник с выпуклым верхом, действительно, напоминающий по форме большую еловую шишку. На другом конце головки находится элемент, похожий на «звездочку», из центра которой выходит длинный тонкий стержень. Впрочем, и здесь имеются отличия в деталях. Во-первых, под массивной шишкой расположены не шесть выступов, а, насколько позволяет судить изображение, 12 вертикальных пластин. Во-вторых, письменные свидетельства ничего не говорят об элементе в виде «звездочки» в том месте, где головка пернача переходит в длинный стержень.

Пернач на фотографии представляет собой совершенно необычный экземпляр с массивным набалдашником и явно несоответствующей ему тонкой рукоятью, даже если мы допустим, что это парадный, а не боевой экземпляр. Тонкие рукояти имеют, как правило, восточные (персидские и индийские) булавы и перначи с более изящными головками, относящиеся к XVII–XVIII вв. [37, р. 422, fig. 533, 1, 4, 7, 9, 21]. И все же наш пернач не имеет достаточного сходства ни с одним из этих образцов. Можно было бы ограничиться признанием уникальности пернача из Рекома, однако более детальное рассмотрение фотографии позволяет, на наш взгляд, решить возникшее затруднение.

При многократном увеличении видно, что куб с отсеченными углами не составляет единого целого с головкой и не прилегает к ней плотно. Отчетливо различимые зазоры в месте соединения куба и головки пернача показывают, что последняя представляет собой цилиндр со сквозным отверстием. Из-за размеров, несколько превышающих диаметр отверстия, куб вошел в него частично. С другой стороны, элемент в виде звездочки в месте выхода из головки длинного стержня не упоминается в описаниях, а следовательно, мог быть добавлен позднее. Указанные детали позволяют, на наш взгляд, видеть здесь не один, а несколько разных предметов: головку пернача и головку булавы в виде «звездочки», нанизанные на скипетр с длинным стержнем и шишковидным навершием.

Колчан со стрелами (3). По народному преданию, в святилище Реком, кроме шлема и копья Ос-Багатара, хранился и его колчан. В.Б. Пфаф, действительно, обнаружил в святилище вместе с копьем и шлемом колчан, наполненный стрелами, в то же время отметив на полу святилища множество других колчанов [24, с. 14–141]. «Кожаный колчан, набитый стрелами», видел в святилище анонимный автор в 1892 г. [10, с. 79], а опись имущества святилища, проведенная в 1903 г., констатировала наличие «сломанного, погнившего колчана для стрел с 4-мя стрелами» [22, л. 3]. После В.Б. Пфафа множество «колча-

нов с пугами стрел» внутри святилища упоминает лишь С. Анисимов, который, впрочем, осматривал святилище «через отверстие двери», не заходя внутрь [2, с. 180–181].

На фотографии перед нами, скорее всего, сильно поврежденный деревянный колчан, обтянутый кожей. Опираясь на известные нам сведения о колчанах северокавказских аланов [11, с. 144–155; 26, с. 112–113], можно предположить, что форма его полуцилиндрическая с расширяющейся нижней частью. В колчане имеются стрелы, древки которых различимы в верхней части и, возможно, также древко одной стрелы видно в отверстии поврежденной нижней части. В целом, неясность очертаний и деталей колчана не позволяет уверенно его датировать и отнести к какой-либо определенной разновидности в предложенной В.Н. Каминским классификации аланских колчанов (определенно можно лишь сказать, что он не принадлежит к IV типу полностью кожаных колчанов). О принадлежности данной реликвии Ос-Багатару судить не беремся, тем более что некоторые авторы видели в святилище множество колчанов.

Стрелы. Из предметов вооружения, как отмечают практически все посетители святилища, наиболее многочисленную часть жертвоприношений составляли стрелы и их наконечники. На фотографии запечатлены стрелы с наконечниками трех видов: ромбовидный (4), бронебойный (5) и двурогий срезень (6). Все эти виды прекрасно представлены в коллекции наконечников из Рекома, хранящейся в фондах Национального музея Республики Северная Осетия-Алания, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями по каждому экземпляру.

Стрела с ромбическим наконечником. Перо с прямыми сторонами. Плечики асимметричные: слегка вогнутое левое плечико длиннее прямого правого. Наконечники подобного типа появляются у алан в VIII в. и получают распространение в IX–X вв. Они применялись для поражения не защищенных броней воинов. В домонгольский период ромбические наконечники имели относительно широкое распространение как на Руси, так и у других народов Восточной Европы, и бытовали до XIV в. Крупные ромбические наконечники, занесенные в Восточную Европу монголами, имели свои существенные отличия в пропорциях. Период их употребления – со времени нашествия и до начала XV в. [19, с. 59]. Древко стрелы, как и у других экземпляров, веретенообразной формы, что в целом характерно для аланских стрел домонгольского периода [11, с. 28]. Темная полоска в верхней трети древка может быть фрагментом обмотки из сухожилий или берестяной оклейки древка у черешка, которая отмечается в аланских памятниках с XI–XII

вв. [11, с. 29–30]. Нижняя часть стрелы скрыта за кувшинчиком, поэтому ничего нельзя сказать о ее оперении.

Стрела с бронебойным наконечником. Наконечник узкий и острый, основание его головки совпадает с основанием верхнего торца древка, поэтому перед нами, вероятно, черешковый наконечник с простым упором для древка, т. е. резким ступенчатым переходом от головки к черешку. О сечении головки сказать трудно, она могла быть как граненой, так и круглой [26, с. 111, 339, табл. XLI, 1–3]. Древко веретенообразной формы и заметно толще остальных экземпляров, что характерно для бронебойных стрел северокавказских аланов [12, с. 50]. Широкое распространение бронебойных (противокольчужных) наконечников стрел у аланов Северного Кавказа В.Н. Каминский отнес к X–XI вв. [11, с. 36], А.А. Сланов – к IX–X вв. [26, с. 111]. В позднеаланское время их количество резко сокращается, что «свидетельствует о снижении уровня защищенности воинов» [26, с. 112].

Стрела с двурогим срезнем. Вильчатый (двурогий) наконечник с шейкой и упором для древка. На фото видна только верхняя часть древка. Двурогие срезни применялись главным образом для охоты на птиц и зверей, хотя и не исключается их использование в боевых целях [18, с. 73; 26, с. 111–112]. Согласно В.Н. Каминскому, двурогие наконечники попали в аланскую среду из степного мира после X в. и получили распространение лишь с XI в. [11, с. 40; см. также: 13, с. 66]. В то же время А.А. Сланов относит их появление у аланов к VIII в. [26, с. 111].

Стрела с опереньем (7). Стрела довольно длинная, хотя наконечник ее скрыт за чашей. Это один из редких случаев, когда мы можем видеть сохранившееся оперение. На фото видно два пера, хотя, возможно, оперение было трехперым. К древку у самого оперенья подвязана ленточка. Возможно, это деталь оформления стрелы в обряде боевого побратимства, которую не упоминает В.С. Толстой. Следует иметь в виду, что подобным образом украшенные стрелы применялись и в других осетинских обрядах и ритуалах.

Икона (8). Перед нами живописная икона в чеканном окладе, продолговатой формы, с закругленным верхом и прямыми нижними углами. Лик иконы сильно истерт, так что едва различимы только глаза и нижняя часть. Над ликом едва заметные остатки надписи. С уверенностью можно различить только два знака: **З** и ниже **Ф**. Справа и слева от лика, а также над ним, на самом веру дугообразного поля иконы – закрепленные в виде креста пуговицы. Слева, на месте недостающей пуговицы заметен след небольшого отверстия. Очевидно, эти пуговицы – такие же

гвоздики с округлыми шляпками, какие использовались средневековыми грузинскими мастерами для крепления чеканных окладов, украшавших Евангелия. Об этом же свидетельствуют и сохранившиеся под пуговками остатки тонкого чеканного листа. От нижних углов (которые, впрочем, нам не видны полностью) тянутся симметрично вверх, сходясь друг к другу, две линии, состоящие из таких же пуговок. Немного не доходя до середины высоты иконы, линии сближаются, но, не соединяясь, расходятся в противоположные стороны, образуя широкие завитки, внутри которых расположены орнаментальные окружности, состоящие из прочеканенных с оборотной стороны мелких округлых выступов с одним более крупным выступом в центре. Возможно, пространство между линиями содержало ростовое живописное изображение персонажа.

Поле иконы и рама обведены по периметру линиями таких же пуговок. Рама и отделяющий ее от иконного поля широкий скос разбиты поперечными короткими линиями пуговок-гвоздиков на симметричные, равные по размеру поля, обведенные по краю рамкой мелкого жемчужника. На лицевой части обрамления все поля украшены одинаковым геометрическим орнаментом, состоящим из двух расположенных рядом окружностей такого же точно вида и размера, что и описанные выше на поле иконы, остальное пространство гладкое. Поля на скосе содержат аналогичный орнамент из окружностей, однако в нижней части с обеих сторон видны четыре едва различимые чеканные фигуры. Раму венчает навершие в виде декоративной окружности, в центре которой пуговка, прикрепляющая этот чеканный элемент к деревянной основе рамы. Сохранившийся до наших дней деревянный резной киот из Рекома имеет ту же форму и такое же круглое навершие [см.: 16, с. 148]. Последняя деталь, являясь весьма специфичной, позволяет предположить, что это памятники одного круга, относящиеся к одному времени.

По вопросу об атрибуции и датировке данного предмета мы консультировались у члена-корреспондента Российской академии художеств, специалиста по византийской иконографии и истории восточно-христианской художественной культуры А.М. Лидова, высказавшего следующее мнение: оклад и форма доски – не византийские, хотя иконы с полукруглым верхом иногда встречаются; предмет, по общему впечатлению, не древний, а скорее позднесредневековый.¹ Зная о том огромном влиянии, которое оказывала на средневековую Осетию христианская Грузия, и теснейшей связи с грузинским

христианством, которое обнаруживает святилище Реком, остается предположить грузинское происхождение и этой реликвии.

Выше уже отмечалось, что на иконном поле отчетливо различаются остатки надписи, в частности знак **З**, вероятнее всего, принадлежащий грузинскому шрифту мхедрули. По наблюдению Г.Н. Чубинашвили, переход в надписях на грузинских иконах от монументального и декоративного мтаврли к мхедрули происходит в XVII в. [33, с. 150]. Это обстоятельство также может свидетельствовать в пользу мнения А.М. Лидова о позднесредневековом происхождении иконы на фотографии.

Чаша (9). Надо полагать, перед нами упоминаемый в «Описи» потир, т. е. «деревянная чашка для причастия, обитая металлическими пуговками» [22, л. 4]. Чашу опоясывают три ряда точно таких же, как на иконе, декоративных выпуклых пуговок-гвоздиков, которые служат для крепления оклада к деревянной основе. В некоторых местах пуговки отпали вместе с кусочками металлического покрытия, оставив круглые отпечатки и отверстия от гвоздиков. Чаша имеет форму, напоминающую бутон тюльпана: широкая и округлая внизу, к верхнему краю она слегка сужается. Массивная короткая ножка опирается на широкое основание (поддон) в форме уступчатого усеченного конуса. Основание, очевидно, является отдельно выполненной деталью, поскольку между ним и ножкой виден зазор правильных, ровных очертаний, свидетельствующий, что это не разлом, а место соединения поддона с ножкой. Прямые аналогии указать затрудняемся, но из-за сходства в декоративном оформлении потир можно, очевидно, датировать тем же периодом, что и икону.

Крест (10). Напрестольный четырехконечный крест с равными прямоугольными рукавами. На верхнем и боковых рукавах круглые медальоны, на нижней оконечности – косяя перекладина-подножие округлых очертаний, служащая упором для ступней Распятого. Однако фигурного изображения на кресте различить невозможно, так же как не видно изображений и на медальонах. Прямые датированные аналогии нам не известны. В какой-то мере ему близки железные кресты из Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника. Их рукава также завершаются круглыми «медальонами». Однако, в отличие от нашего экземпляра, в средокрестии имеется округлое расширение [5, с. 16, илл. 1]. Отметим и напрестольный железный крест X–XII вв., найденный вблизи Северного храма в Нижнем Архызе. Его прямоугольные рукава имеют широкие, круглые

¹ Выражаем Алексею Михайловичу глубокую признательность за оказанную помощь.

окончания и соединены в средокрестии заклепкой [5, с. 30].

О «железных крестах» в Рекоме сообщает П.С. Уварова [31, с. 62], а вслед за ней и Г.А. Вертепов [6, с. 141]. «Опись» упоминает 28 маленьких крестов и один большой, а кроме того, один деревянный крест [22, л. 3]. К сожалению, эти краткие свидетельства ничего не добавляют к описанию креста на фотографии.

Иконостасная доска (11). В очерке «Поездка в Осетию в 1847 году», опубликованном при жизни автора, В.С. Толстой пишет: «В срубке к одной стороне были сложены доски, обитые листовым железом с горельефами, изображающие Иисуса и другие иконы. Ясно, что эти доски прежде составляли иконостас» [28, с. 141]. В рукописи «Сказание о Северной Осетии» он упоминает только одну доску «с набитым железным листом, на котором выбито выпухло и хорошо сохранено в рамках изображение каких-то конных святых; эта доска, должно быть, один из боковых косяков царских дверей» [29, с. 75–76]. «Опись» также подтверждает наличие в святилище «иконостасной доски с двумя металлическими изображениями Георгия Победоносца» [22, л. 1]. Очевидно, именно ее мы видим на фотографии. Доска в металлическом окладе, окаймленная по краю линией таких же точно пуговок, какими украшены икона и потир. Короткие поперечные линии пуговок, расположенных не вплотную, как на иконе, а с некоторыми промежутками, делят доску на равные квадратные поля с помещенными в них чеканными изображениями. На фото видны только два поля, причем в правом изображении практически неразличимо, к тому же почти наполовину его закрывает другой предмет экспозиции. Во втором поле отчетливо видны контуры всадника, движущегося в левую сторону. Фигура всадника видна полностью, а у лошади только передняя часть (голова, шея и грудь). Внутри полей изображения заключены в рамку из линии мелкого жемчужника, подобно тому, как это мы отмечали выше на чеканной кайме иконы. Судя по расположению изображений, доска крепилась горизонтально и поэтому могла быть не боковым, а скорее верхним косяком Царских врат.

Значительное сходство элементов чеканного оклада иконостасной доски с декоративным оформлением иконы и потира практически не оставляет сомнений в их принадлежности одному хронологическому периоду, что влечет за собой весьма важные выводы. Коль скоро доска являлась принадлежностью иконостаса, ее следует рассматривать как часть первоначального церковного интерьера. В таком случае икона, деревянный киот и потир также находились в церкви с самого начала ее основания. Стоит

ли говорить, как важен специальный искусствоведческий (а для сохранившегося деревянного киота – и дендрохронологический) анализ этих реликвий с целью установления их датировки, которая в свою очередь могла бы пролить свет на время строительства самой церкви в Рекоме.

Ступки (12 а, б). О двух ступках с пестиками в «Описи» читаем: «чугунные ступки, из которых у одной ступки пробито дно, а у другой бок» [22, л. 4]. О двух «по-видимому, медных ступках» внутри святилища пишет и Е.В. Клетнова [15, с. 1062].

У левого края скамейки, рядом с крестом находится **чашка** (14). Возможно, та самая металлическая чашка, в которую посетители клали приношения в виде монет [31, с. 62; 20, с. 371; 15, с. 1062]. Впрочем, анонимный автор упоминает внутри святилища и другие чашечки «грузинского типа» [10, с. 79]. В предмете справа от чашки (17) нетрудно узнать «деревянный сосуд в виде утки», упоминаемый «Описью» [22, л. 3].

Два предмета экспозиции – металлический **кувшинчик** (16) и упоминаемый практически всеми авторами бронзовый **колокол** (15) с грузинской надписью – в настоящее время хранятся в Национальном музее Республики Северная Осетия-Алания. Они могут быть исследованы непосредственно, поэтому нет смысла рассматривать подробно их фотографическое изображение.

Мы затрудняемся в определении предмета, состоящего из длинного, скорее всего металлического заостренного **стержня** (13) с веретенообразным утолщением в середине и двумя симметричными колечками одинаковой величины в нижней трети стержня. Стержень всажен в длинную деревянную рукоять. Возможно, этот предмет обозначен в «Описи» как «шампур с деревянной ручкой» [22, л. 5].

Назначение предмета, находящегося на фотографии под колоколом (18), нам так же неясно, как и составителям «Описи», которые, надо полагать, именно его обозначили как «кололообразную вещь без дна» [22, л. 4].

Подведем итог. Рассмотренная фотография расширяет и уточняет наши знания об инвентаре и реликвиях, хранившихся в святилище Реком, поскольку большая часть запечатленных на ней предметов была известна только по письменным свидетельствам. Предварительная позднесредневековая датировка некоторых предметов (иконы, потира, иконостасной доски) согласуется с мнением В.А. Кузнецова о начале грузинской христианизации Рекома в XVI в. В то же время остается открытым вопрос о датировке хранившегося в Рекоме шлема, принадлежность которого историческому Ос-Багатару требует более надежного обоснования.

Фотодокумент, возвращаемый после длительного забвения в научный оборот, с одной стороны, свидетельствует о назревшей необходимости серьезных историографических работ по

этнологии Осетии, а с другой – вновь напоминает о тех святынях Рекома, которые, став музейными экспонатами, в течение долгих десятилетий тепеливо ожидают своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Абдушелишвили М.Г.** Антропология в жизни и научной деятельности Г.К. Ниорадзе // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий / Сб., посвящ. 100-летию со дня рождения член-корр. АН ГССР, проф. Г.К. Ниорадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 16–19.
- 2. Анисимов С.** От Казбека к Эльбрусу. – М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 272 с.
- 3. Апакидзе А.М.** Георгий Ниорадзе и археология Грузии // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий / Сб., посвящ. 100-летию со дня рождения член-корр. АН ГССР, проф. Г.К. Ниорадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 3–10.
- 4. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.** Указатель. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 264 с.
- 5. Архыз** – древний центр христианства / А.Н. Пинкин, С.Н. Савенко. – Тверь: А.Н. Пинкин, 2009. 64 с.
- 6. Вертелов Г.А.** В горах Кавказа // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 94–148.
- 7. Вязигин А.А.** Памятник первобытной религии на Северном Кавказе – древнее осетинское святилище «Реком». (Результаты археологической экспедиции проф. А.А. Миллера) // Революция и горец. – Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1929. №5 (май). С. 75–78.
- 8. Горелик М.В.** Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Сборник статей / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 244–269.
- 9. Гутнов Ф.Х.** Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе: Ир, 1989. 176 с.
- 10. Из статьи Н.С.** «В Осетии. Цейское ущелье» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. / Сост. Л.А. Чибиров. – Цхинвали: Иристон, 1987. С. 73–80.
- 11. Каминский В.Н.** Вооружение племён аланской культуры Северного Кавказа (I–XIII вв. н.э.) // НА СОИГСИ. Отдел Истории. Ф. 6. Оп. I. Д. 206.
- 12. Каминский В.Н.** О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // Краткие сообщения института археологии. – М.: Наука, 1982. Вып. 170. С. 48–51.
- 13. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В.** Вооружение племён Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-литературный альманах. – Армавир, 1997. Вып. 3. С. 61–69.
- 14. Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. – Л.: Наука, 1971. Вып. 3. 92 с.
- 15. Клетнова Е.Н.** В горах Осетии // Исторический вестник. – СПб., 1910. № 9. С. 1028–1064.
- 16. Кузнецов В.А.** Путешествие в древний Иристон. – Пятигорск: СНЕГ, 2009. 224 с.
- 17. Кузнецов В.А.** Реком, Нузал и Царазонта. – Владикавказ: Ир, 1990. 200 с.
- 18. Медведев А.Ф.** Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1-36/. – М.: Наука, 1966. 184 с.
- 19. Медведев А.Ф.** Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. №2. С. 50–60.
- 20. Миллер В.Ф.** В горах Осетии // Миллер В.Ф. В горах Осетии. – Владикавказ: Алания, 1998. С. 335–376.
- 21. Нарожный Е.И.** О шлемах из сел. Ярши-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПИ, 2003. Вып. 2. С. 112–125.
- 22. Опись** имущества часовни Реком, составленная особой комиссией под председательством начальника Владикавказского округа 14–15 мая 1903 г. // НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2.
- 23. Пфаф В.Б.** Материалы для истории Осетии // Сборник сведений о кавказских горах. – Тифлис, 1871. Вып. V. С. 1–100.
- 24. Пфаф В.Б.** Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871. Т. I. С. 127–176.
- 25. Пчелина Е.Г.** Нузальская часовня в Северной Осетии // НА СОИГСИ. Ф. 6 Оп. I. Д. 20.
- 26. Сланов А.А.** Военное дело алан I–XV вв. – Владикавказ, 2007. 399 с.
- 27. Сургуладзе И.К.** Г.К. Ниорадзе и этнография // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий / Сб., посвящ. 100-летию со дня рождения член-корр. АН ГССР, проф. Г.К. Ниорадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 20–22.
- 28. Толстой В.С.** Из служебных воспоминаний В.С. Толстого. Поездка в Осетию в 1847 г. // Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. – Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997. 128 с.
- 29. Толстой В.С.** Сказание о Северной Осетии. – Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997. 128 с.
- 30. Уваров А.С.** Булава или пернач // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. – М., 1910. Т. II. С. 84–88.
- 31. Уварова П.С.** Кавказ. Путевые заметки. – М., 1887. Т. I. 326 с.
- 32. Цулая Г.В.** Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1980. Т. VIII. С. 193–208.
- 33. Чубинашвили Г.Н.** Обзор развития грузинской средневековой чеканки с VIII–IX по XIX век // Чубинашвили Г.Н. Из истории средневекового искусства Грузии. – М.: Искусство, 1990. С. 136–154.
- 34. Vekojeff G.** Das Ossenland. – Berlin: Verlag Eugen Guttoff, 1924. 35 s.
- 35. Nicolle D.** Arms and armour of the crusading era, 1050-1350. – London: Greenhill Books, 1999. - Vol. I. - 636 p. - Vol. II. 576 p.
- 36. Nioradze G.K.** Die Berg-Ossen und ihr Land. Eine anthropologisch-ethnographische Untersuchung eines kaukasischen Volkes. – Berlin: Dietrich Reimer [Ernst Vohsen], 1923. 42 s.
- 37. Stone G.C.** A glossary of the construction, decoration and use of arms and armor in all countries and in all times: together with some closely related subjects. – Mineola-N.Y.: Dover Publications, 1999. 694 p.

